

При изготовлении отдельного предмета применялось несколько сложных технологических приемов, которые открыли большие возможности для сочетания разных металлов, для усовершенствования форм декоративных элементов. Все это способствовало быстрому развитию прикладного искусства.

Широкое применение данной технологии в позднем железном веке можно объяснить появлением в то время очень массивных украшений с большими плоскостными пространствами, требовавшими нового художественного решения и, само собой разумеется, новых видов обработки. Но это лишь один аспект из круга изученных проблем. Возникает вопрос об источниках разных металлов, связях с другими странами, торговых путях. Очень важными являются возникшие новые экономические и социальные условия, давшие импульс возобновлению этого своеобразного стиля украшений в позднем железном веке.

Янис Асарис

О СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РАССЕЛЕНИЯ КУРШЕЙ В XI-XIII ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ)

Вопросы этнической истории Северной Курземе вообще и взаимоотношения куршей с прибалтийско-финским населением в частности заинтересовали исследователей уже с конца XVIII столетия. В это время доминировало мнение, что курши являются родственными с финским¹ или эстонским и ливским² населением. Первым более обоснованно мнение о том, что курши являются родственными латышам, на основании анализа письменных источников высказал в начале XIX в. пастор К.Ф.Ватсон.³ Он также отметил, что курши постепенно со своих южных территорий продвигались на север, вытеснив ливов.⁴

Серьезную попытку решения этнических проблем в прошлом веке сделал языковед и историк А.Биленштейн, который, анализируя все упомянутые в хрониках и документах XIII-XIV вв. топонимы, пытался установить их этническую принадлежность и идентифицировать их с существующими населёнными пунктами.⁵ Хотя, как показали дальнейшие исследования латышских лингвистов и археологов (Я.Эндзелин, Э.Блесе, Ф.Балодис, Э.Мугуревич) в вопросе этнического определения куршей А. Биленштейн ошибся, но нельзя не согласиться с его выводом о том, что в письменных источниках XIII в. о разделе земель упомянутых куршей (*Curones*) нельзя понимать в чисто этническом, но скорее в географическом отношении - как обитателей Курземе.⁶

Особенно это касается Северной Курземе, население которой с конца I тысячелетия в этническом отношении было довольно смешанным, о чём здесь свидетельствует большое разнообразие видов могильников рубежа I и II тысячелетий и эпохи позднего железа. Далее небудем анализировать все эти выды, поскольку это обоснованно сделал Э.Мугуревич,⁷ но опираясь на исследования и обследования погребальных памятников последних лет, для уточнения регионов проживания куршей попытаемся выделить чисто куршские могильники Северной и Северозападной Курземе.

В некоторой степени это осуществить упрощает то обстоятельство, что во всех территориях, заселённых куршами с XI в. доминирующим обрядом погребения умерших является трупосожжения. И в Северной Курземе трупосожжения можно считать основным признаком, определяющим захоронения XI-XIII вв. как куршские. Однако, достоверных, локализованных

ных могильников с трупосожжениями к северо-востоку от Венты и севернее Абавы зарегистрировано в очень малом количестве (рис.1).

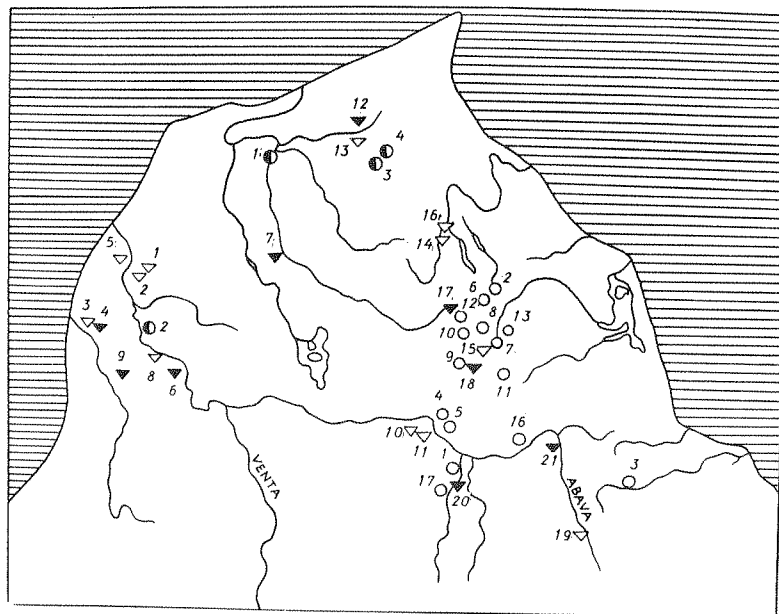

Рис.1. Археологические памятники XI-XIII вв. в Северной Курземе.

- ▼ - куршские трупосожжения и ▽ - места отдельных находок куршских древностей: 1-Таргалес Лодини; 2-Таргалес Кришяни; 3-Ужавас Муцениеки; 4-Ужавас Силмалциемс; 5-Варвес Пасиекте; 6-Пасилциемс; 7-Пузес Лейскрогс; 8-Зиру Вендзава; 9-Сисе; 10-Валгалес Браслини; 11-Маткулес Габелес; 12-Дундагас Упесвагари; 13-Дундагас Парупь; 14-Арлаvas Калны; 15-Капуркалнс; 16-Арлаvas Дижниеки; 17 - оз. Вилкумуйжас; 18-Либагу Сарайи; 19-Ирлава; 20-Маткуле; 21-Пурес Звиедри.
- - ливские труположения: 1-Ланкседе; 2-Лайдзес Лаугали; 3-Тукумс; 4-Вирбу Зуннас; 5-Липсту Страутини; 6-Лайдзес Печас; 7-Либагу Калнениеки; 8- Либагу Вецчумалас; 9-Либагу Кили; 10-Либагу Леяслачи; 11-Страдес Илбатас; 12-у Талсинского городища; 13-Нурмуйжа; 16-Кандава; 17-Маткулес Биенес.
- - труположения куронизированных ливов: 1-Анце; 2-Ландзе; 3-Дунгалас Озолмежс Лаукмуйжа; 4-Дундагас Озомежс.

Севернее других находится частично в конце XIX в. исследованный могильник Невеяс Упесвагари.⁸ Судя по анализу погребального инвентаря, могильник устроен здесь не раньше конца XII в. и использовался ещё и в средневековье. В хронологическом отношении довольно близко вышеуказанному могильнику находится могильник Пузес Леяскрогс. Первые находки здесь случайно найдены в 1888 г.⁹ и часть из них

очевидно происходит из трупосожжений конца XII - начала XIII в., однако, судя по результатам последующих раскопок,¹⁰ очевидно, что большинство более ранних трупосожжений разрушили труположения XV-XVII вв.

Своеобразная погребальная традиция куршей - погружение в воду сломанного и сожженного погребального инвентаря констатирована в озере Вилкумуйжас в гор. Талсы.¹¹ До наших дней из озера поднято около 3500 предметов, самые ранние из которых можно отнести к XI/XII в.¹², но большинство датируется XII-XIII вв.

Для датировки северокуршских древностей важное значение имеет материал из раскопок последних лет могильника Либагу Сарайи.¹³ Всего здесь вскрыто 46 чисто куршских трупосожжений, хронологически ранние из которых судя по анализу древностей и найденной монеты - серебряном Гительдском денаре графов Дитриха I (1039-1056) или Дитриха II (1056-1085) фон Катленбургов - можно отнести к концу XI в. Позднейшим временем использования могильника можно считать середину XIII в., поскольку в одном из детских захоронений (Но24), открытом на периферии могильника, как привеска к вытой бронзовой шейной гривне находилась монета - серебряный денар Оснабрикского епископа Герхарда (1192-1216). Отметим, что это являлось единственным возможным труположением на данном могильнике, поскольку в могильной яме небыло найдено кальцинированных костей и шейная гривна неимела следов пребывания в огне.

Недалеко от рассматриваемого региона, но в левобережном бассейне рек Абавы и Венты, находятся ещё три достоверных куршских могильника (Пасилциемс, Маткуле, Пузес Звиедри), однако не один из них не содержит погребального инвентаря, которого достоверно можно было бы отнести к периоду до XI/XII в.

Благодаря обширному и более достоверно датированному погребальному инвентарю могильника Сарайи, среди предметов общепалатских выделяются некоторые типы предметов, характерных северокуршским трупосожжениями, всвязи с чем можно предположить что и в местах их случайных находок возможно говорить о куршском населении.

В мужских захоронениях специфическими являются боевые широколезвийные топоры-секиры, двухщипные черешковые наконечники дротиков (рис.2), подковообразные фибулы с звездчатыми концами (рис.3), браслеты с расширенной серединой и имитированным звероголовыми концами, некоторые предметы конского снаряжения и отдельные виды наверший, перекрестий и бронзовых оковок мечей. Для женских погреб-

ний традиционно куршскими являются бронзовые лентообразные браслеты со специфическим орнаментом, а также миниатюрные предметы (особенно много принадлежностей ткачества) (рис.4) и бронзовые оковки рогов для питья, которые, как и миниатюрные предметы встречаются и в мужских захоронениях.

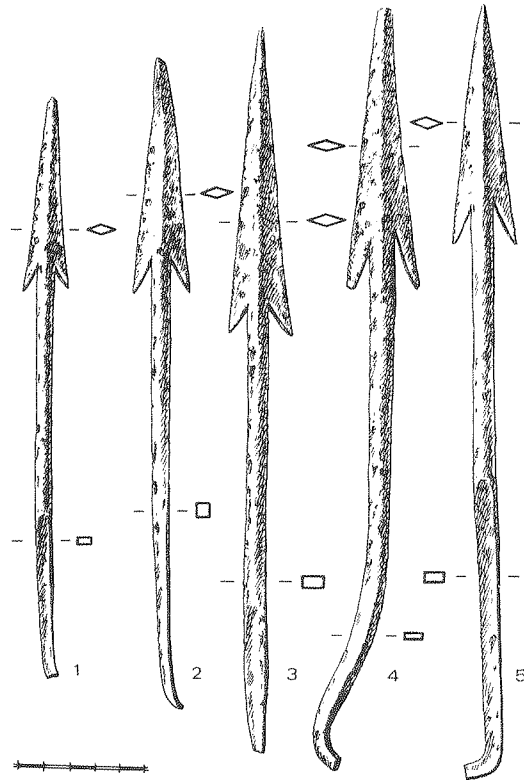

Рис. 2. Могильник Сарайи. Двухщипные черешковые наконечники дротиков. 1-могила Но 30; 2-отд. нах.; 3- отд. нах.; 4- отд. нах.; 5-могила Но 27.

Выделение этих специфических форм с некоторой долей опасения позволяет расширить ареал эвентуальных мест концентрации куршей к северу от Абавы и северо-восточнее Венты за счёт сведений об отдельных находках.

Так, судя по находкам в Таргалес Лодини в 1868 г. типичного боевого топора-секиры¹⁴ и сведениям об у хут. Кришяни найденных в огне деформированных обломков бронзовых лен-

тообразных браслетов и выгнутых шейных гривн, позволяет предположить, что окрестности Таргалес можно рассматривать как один из первых ареалов концентрации куршей к северо-востоку от Венты.

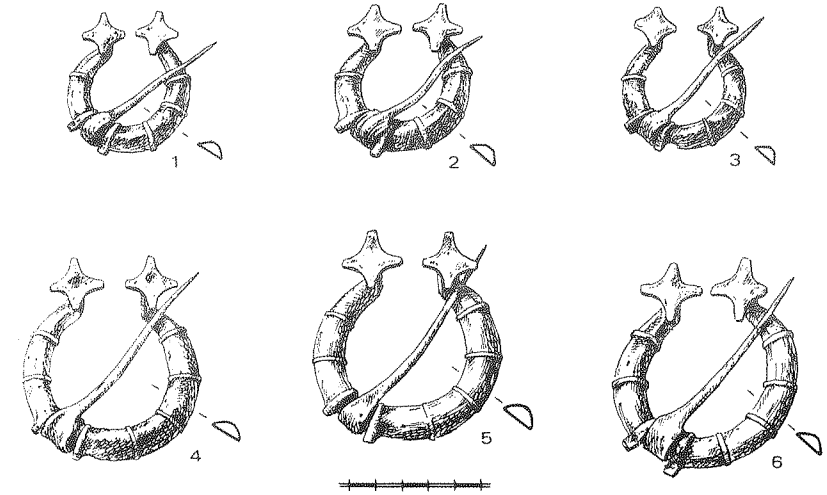

Рис. 3. Могильник Сарайи. Подковообразные фибулы с звездчатыми концами. 1-могила Но 38; 2-могила Но 8; 3-могила Но 25; 4-могила Но 46; 5-могила Но 44; 6-могила Но 25.

Самым северным регионом концентрации куршей можно считать территорию к северу от Дундаги, где без уже упомянутого могильника Невяс Упесвагари у хут. Парупьи в заболоченном месте найдены два топора-секиры, миниатюрный топорик и вытая бронзовая шейная гривна.¹⁵

Другим регионом концентрации куршей можно считать окрестности Арлавы, где около хут. Дижниеки в низменной местности найдены типичные куршские лентообразные браслеты и вытая бронзовая шейная гривна¹⁶, а у хут. Калны фрагменты вытой бронзовой шейной гривны.¹⁷

Бесспорным центром северных куршей с XI/XII в. является Талсы, что без захоронений в озере Вилкумуйжас косвенно подтверждает и анализ материала Талсинского городища, который чисто куршским становится с конца XI в.¹⁸

Несколько юго-восточнее от Талсы в среде прибалтийско-

финских памятников у Межитского городища находится эвентуальный куршский могильник Капуркалис на котором найден боевой топор-секира, а несколько южнее вышеупомянутый могильник Либагу Сарайи.

Судя по почти во всех мужских захоронениях данного могильника встреченному богатому погребальному инвентарю можно заключить, что в Северной Курземе в отличие от южнокуршских земель¹⁹ ещё и в XII в. прослеживается расцвет военных дружин.

Это можно объяснить тем, что хотя и доминирует мнение о постепенной мирной ассимиляции Курземского прибалтийско-финского населения куршами, однако по крайней мере в начальных этапах проникновения куршей в бывшие земли ливов это немогло происходить без конфликтов, в связи с чем здешним куршам дольше надо было сохранить сильные военные формирования.

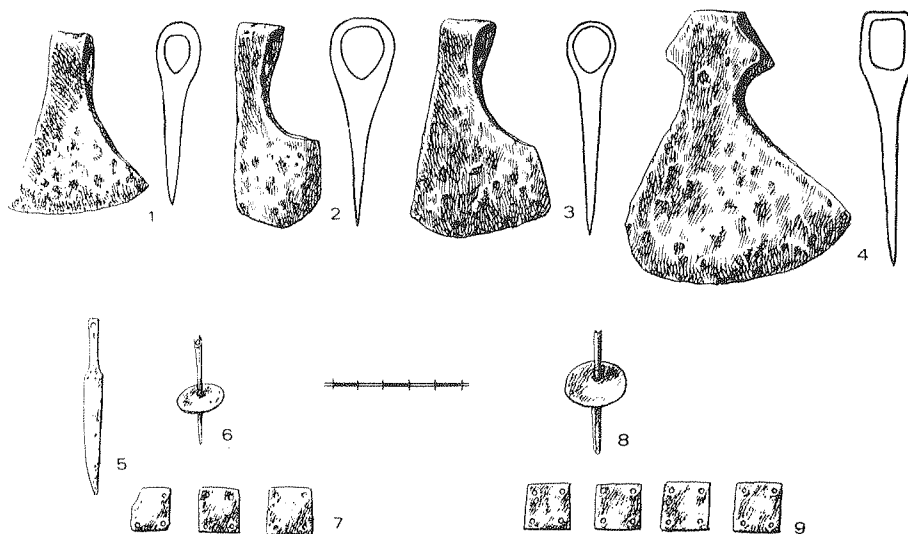

Рис. 4. Могильник Сарайи. Миниатюрные предметы. 1-топорик (отд. нах.); 2- топорик (отд. нах.); 3- топорик (отд. нах.); 4- топорик (отд. нах.); 5-бр. ножик (могила Но 31); 6-бр. пряслица (могила Но 31); 7-бр. пластинки для прядения (могила Но 14); 8-бр. пряслица (могила Но 32); 9-бр. пластинки для прядения (могила Но 31).

Анализируя весь в нашем распоряжении имеющийся материал о северокуршских могильниках и отдельных находках

можно заключить, что трудно говорить об утверждении куршей к северу от Абавы и северо-восточнее от Венты ранее чем середины XI в. До сих пор в научной литературе по этому поводу имелись довольно различные мнения - Ф.Балодис началом движения куршей через Абаву считал 800-855 г.²⁰, Э.Штурме около 1000 г.²¹, А.Швабе вторую половину IX в.²², Э.Мугуревич XI-XII вв.²³

В окончании отметим, что в связи с тем, что к югу от Абавы и к северо-востоку от гор. Вентспилс, где и понине простираются большие лесные массивы, встречаются очень мало археологических памятников, то можно предположить, что курши сперва направлялись вверх по Абаве до более плодородных и уже культивированных ливами земель и отсюда продвигались дальше к северу, северозападу и востоку в глубь бывших прибалтийско-финских земель.

Также гипотетически можно предположить, что именно курши из Северозападной Курземе в конце XI - начале XIII вв. играли одну из важнейших ролей как в торговых, так и военных контактах со Скандинавией, северогерманскими городами и соседним островом Сааремаа.

Во всяком случае, для утверждения или отрицания этих гипотез, а также более точного определения путей проникновения и ареалов проживания куршей к северу от Абавы и их взаимоотношений с прибалтийско-финским населением и земгалами необходимы дальнейшие систематические исследования.

Ссылки:

¹ Thunmanns J. Untersuchungen über die alte Geschichte einiger nordischen Völker. Berlin, 1772. S.19, 23.

² Börger J.L. Versuch über die Alterthümer Lieflands und seiner Völker, besonders der Letten. R., 1778. S.16, 23, 84.

³ Watson K.F. Darstellung der alten Eintheilung von Kurland, wie die Deutschen solche vorfanden; nach Urkunden aus dem dreyzehnten Jahrhundert und nach ältesten Chronisten // Jahresverhandlungen der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. Bd.2. Mitau, 1822. S.281-291.

⁴ Ibid. S.287.

⁵ Bielenstein A. Die Grenzen des lettischen Volkstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert. St. Petersburg, 1892.

⁶ Ibid. S.331-333.

⁷ Mugurēvičs Ē. Kapu veidi Kurzemē agrā feodālisma periodā // Referātu tēzes zinātniskai sesijai, veltītai 1967 gada archeoloģiskiem izrakumiem un etnogrāfiskai ekspedīcijai Latvijas PSR teritorijā. R., 1968. Lpp. 18-21; Мургуревич Э. Некоторые вопросы этнической истории Курземе в XI-XIV веках // Взаимосвязи балтов и прибалтийских финнов. Р., 1970. С.21-36.

⁸ Богоявленский С.К. Раскопки в Лифляндской и Курляндской губерниях летом 1896 года // Труды X археологического съезда в Риге в 1896. М., 1900. Т. 3. С.107-108.

⁹ Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst aus den Jahren 1888. Mitau, 1889. S.100-102.

¹⁰ Богоявленский С.К. Раскопки в Лифляндской и Курляндской губерниях... С.106-107.

¹¹ Šturms E. Vilkumuižas ezera atradumi // Senatne un Māksla. 2. 1936. Lpp.72-86.

¹² Latvijas PSR archeoloģija. R., 1974. Lpp.183.

¹³ Asaris J. Archeoloģiskie izrakumi Rīgā un Sāraju senkapos // Zinātniskās atskaites sesijas materiāli par archeologu, antropologu un etnogrāfu 1988/1989 gada pētījumu rezultātiem. R., 1990. Lpp.30-34.

¹⁴ Sitzungsberichte der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst aus den Jahren 1864-1871. Mitau, 1884. S.300-301.

¹⁵ CVVM A 7997 : 1-4.

¹⁶ CVVM A 10630 : 1-6.

¹⁷ CVVM A 10107 : 1-2.

¹⁸ Latvijas PSR archeoloģija. R., 1974. Lpp.183.

¹⁹ Жулкус В. Клайпеда и её округа в XI-XVII вв. Автореф. дис. кандидата ист. наук. М., 1988. С.6.

²⁰ Balodis F. Die baltische-finnisch-ugrische Grenze in Lettland in vorgeschichtlicher Zeit // Memoires de la societe Finno-ougrienne. LXVII. Helsinki, 1933. S.32.

²¹ Šturms E. Kursas aizvēstures problēmas. R., 1934. Lpp.15.

²² Švābe A. Senā Kurša // Straumes un avoti. I. R., 1938. Lpp.75.

²³ Mugurēvičs Ē. Pūres Zviedru kapulauks // Archeoloģija un etnogrāfija. XV. Rīga, 1987. Lpp.65.

Janis Asaris

APIE ŠIAURINES KURŠIŲ TERITORIJAS XI-XIII A. (KAPINYNŲ DUOMENIMIS)

Reziūmē

Kuršių etninės istorijos klausimai tyrinėtojus sudomino jau XIX-XX a. sandūroje (J.Thumanns, J.L.Börger, K.F.Watson), bet tik XX a. 3-ame dešimtmetyje įsivyravo nuomonė, kad kuršiai - tai baltų gentys. Vis dėlto liko be atsakymo klausimas, kada kuršiai atsikraustė į šiaurines Kuršo žemes (anksčiau - Pabaltijo suomių arealas) ir kokioje teritorijoje jie paplito.

Remiantis kapinynų kasinėjimo rezultatais, straipsnyje mėginama nustatyti kuršių apgyventa sritis į šiaurės rytus nuo Ventos ir į šiaurę nuo Abavos. Šiauriniame Kurše (kaip ir kituose kuršių apgyventuose regionuose) XI-XIII a. mirusieji buvo laidojami sudeginti. Gaila, kad minėtoje srityje yra žinomi vos 4 tiksliai lokalizuoti kapinynai su dešimtiniais kapais (Nevejas Upesvagari, Puzes Lejaskrogs, Vilkamuižas ežeras, Lībagu Sāraji) (1 pav.). Analizuojant Sāraji kapinyne 46-se atkastuose sudegintų kuršių kapuose rastą inventorių, buvo nustatytos būdingos dirbinių formos: vyrams - plačiaašmeniai kirviai, įtvėriamieji strėlių antgaliai su užbarzdomis (2 pav.), pasaginės segės žvaigždiniai galais (3 pav.), atskiros kalavijų rankenų dalys ir kt., moterims - tradicinės juostinės apyrankės, miniatiūriniai dirbiniai (4 pav.) ir žalvariniai geriamųjų ragų apkalai. Paskutiniųjų būna ir vyrų kapuose. Reiktų manyti, kad kuršiai gyveno ir tose vietovėse, kur atsitiktinai randama tokių pat pavienių dirbinių. Vadinasi, Tārgale, Ārlava, Dundaga ir Talsi rajonai laikytini kuršių susitelkimo sritimi. Kiek izoliuotas, esantis Pabaltijo suomių areale, yra anksčiau minėtas Sāraji kapinynas ir greičiausiai kuršių paliktas Kapurkalns kapinynas prie Mežite piliakanio.

Gausios vyrų įkapės, rastos Sāraji kapinyne liudija apie kariaunos užmojus šiaurės Kurše dar ir XII a.

Kai mes išanalizavome visą šiaurės Kuršo archeologinę medžiagą, tai apie kuršių apsigyvenimą į šiaurę nuo Abavos bei į šiaurės rytus nuo Ventos anksčiau kaip nuo XI a. nebegalime kalbėti. Jeigu atsižvelgtume į geografinę padėtį ir į archeologinių paminklų situaciją, tai galėtume manyti, kad kuršiai iš pradžių patraukė nuo Ventos apylinkių per Abavą derlingų kraštų link, o vėliau į šiaurės rytus bei šiaurę.

Hipotetiškai galima spėlioti, kad būtent šiaurės Kuršo kuršiai nuo XI a. iki XIII a. pradžios vaidino pagrindinį vaidmenį prekyboje ir karuose su Skandinavija, šiaurės Vokietijos miestais ir kaimynine Saaremos sala.

Janis Asaris

**ÜBER DIE NORDLICHEN AUSBREITUNGSGBIETEN
VON KUREN IM 11. BIS 13. JH.
(NACH GRABSTÄTTENMATERIALEN)**

Zusammenfassung

Die Fragen der ethnischen Geschichte Kurlands weckten Interesse schon um die Wende des 18./19. Jh. (J.Thunmanns, J.L.Börger, K.F.Watson), aber erst in den 30-er Jahren des 20. Jh. stabilisierte sich die Meinung, das die Kuren zu den Baltenstämmen gehören. Aber die Frage über die Einwanderungszeit und das Teritorium der Kuren im Nordkurland, in den früheren Ostseefinischen Gebieten steht offen.

Im vorliegenden Vortrag möchten wir auf grund der Forschungsergebnisse der frühhistorischen Grabstätten die Kurenausbreitungsgebiete im NO von Venta und im N von Abava feststellen. Im Nordkurland, wie auch in anderen von Kuren bewohnten Gegenden, wurden die Gestorbenen im 11.-13. Jh. in Brandgräbern bestattet. Leider sind in den betrachteten Gebieten nur vier sicher lokalisierte Brandgräber festgestellt (Nevejas Upesvagari, Puzes Lejaskrogs, Vilkumuižas See, Libagu Sārāji) (Abb. 1.). Auf grund der Analyse des in Sārāji-Grabstätte aufgedeckten Inventars von 46 kurischen Brandgräbern (Ende des 11. bis Mitte des 13. Jh.) können wir charakteristische Altertümerformen feststellen - für Männer-Breitaxte, Speerspitzen mit Angel und Widerhaken (Abb. 2.), Hufeisenfibeln mit Sternknöpfen (Abb. 3.), einzelne Schwertgriffteile u.a., und für Frauen - traditionelle bandförmige Armringe, Miniaturgegenstände (Abb. 4.) und bronzene Trinkhornbeschläge, welche auch in den Männergräbern vorkommen. Mit gewisser Vorsicht könnten wir auch die Orte solcher Einzelfunde als von Kuren bewohnt betrachten. Dann könnte man die Gegenden vor Tārgale, Ārlava, Dundaga und Talsi als Kurenkonzentrationsgebiete betrachten. Etwas abgesondert, zwischen den ostseefinnischen Arealen befinden sich die obengenannten Sārāji-Grabstätte und eventuelle kurische Grabstätte Kapurkalns bei Burgberg-Mežīte.

Die reichen männlichen Beigaben in der Sārāj-Grabstätte lassen über den Aufschwung des Kriegsheeres im Nordkurland noch im 12. Jh. entscheiden.

Wenn wir das gesammte Altertümer material von Nordkurland einer Analyse unterziehen, können wir nicht über die Niederlassung von Kuren im Norden von Abau und NO von Venta früher als seit der Mitte des 11. Jh. sprechen. Wenn wir die geographische Situation und die Lage der archäologischen Denkmäler in Betracht ziehen, sind voraussichtlich die

Kuren zunächst von Venta durch Abau nach oben bis zu fruchtbareren Gegenden gezogen und dann nach NO und N vergerückt.

Hypotetisch darf man annehmen, daß gerade die Kuren von Nordkurland seit dem 11. bis Anfang des 13. Jh. in den Handels- und Militärbeziehungen zu Skandinavien, norddeutschen Städten und der verwandten Insel Saaremaa die Hauptrolle spielten.

Gintautas Zabiela

LAMATOS ŽEMĖ

Mūsų žinios apie II tūkstantmečio pradžios Lietuvos gentinę ir teritorinę struktūrą labai fragmentiškos. Pagrindinė to priežastis-labai skurdi šaltinių bazė, kuria gali remtis tyrinėtojai, narinėjantys vienokias ar kitokias problemas. Ypač tai pasakytina apie teritorinių vienetų (žemių, valsčių) ribų nustatymą. Gana plačios išvados daromos ir tikslios sienos žemėlapiuose brėžiamos remiantis vos keliais tų ar kitų vietovių paminėjimais visiškai skirtinguose istorinių šaltinių kontekstuose ir atsižvelgiant į esamą (arba tyrinėtojų žinomą) realybę (vietovardžiai, vandenvardžiai). Šiuo keliu ėjo pirmieji istorikai, lokalizavę senąsias Lietuvos teritorijas, ir dabar, prabėgus keliasdešimt ar net šimtui metų nuo jų darbų, mes daugiausia tik kartojame išvadas, kurios jau įėjo į istorinę tradiciją.

Tokia bendra išvada peršasi plačiau susipažinus su istoriografija Lietuvos žemių, valsčių ar vietovių nustatymo klausimais. Fundamentaliosios darbai (A. Bilenšteinas, S. Zajančkovkis, H. Lovmianskis, A. Salys) parašyti jau gana seniai, o paskutiniai veikalai (O. Maksimaitienė) rodo, kad nuo to laiko, nagrinėjant šias problemas, padaryta labai nedaug.

Viena iš pačių neaiškiausių Lietuvos žemių yra Lamata. Bendrais bruožais sutardami, jog jos reikia ieškoti vakarinėje Lietuvos dalyje, kažkur netoli jūros, istorikai apie šią žemę mažai ką gali pasakyti, nors aiškiniškai, kas ji ir kur yra, figūruoja ne viename darbe. Specialiai nenagrinėdami ankstesnių tyrinėtojų indėlio į Lamatos žemės lokalizavimą juos paliesime tik, kiek tai reikalinga pačiai problemai spręsti, pagrindu imant dvi šaltinių grupes: istorinius ir archeologinius duomenis.

Istoriniai šaltiniai įvardija patį tyrinėjimų objektą, tačiau mažai ką apie jį pasako. Visi jie gana gerai žinomi, todėl nereikalauja platesnių komentarų.

Pirmasis Lamatos paminėjimas yra Danijos mokesčių knygoje, maždaug iš XIII a. vidurio ar vos vėlesnių laikų¹. Čia Lamata (Lammato) nurodoma tarp kitų žemių, mokėjusių duoklę danų karaliams.

Antrasis Lamatos (kilmininko linksnyje-"de Lamentin") paminėjimas yra 1252 m. štathalterio Eberharto iš Seinos ir Kuršo vyskupo Heinricho tarpusavio susitarimo rašte, nurodančiame, kad jinai pavaldi Kuršo vyskupystei². Vokiškoje šio rašto versijoje Lamatos pavadinimas kiek kitoks-"van Lammantin"³

Trečiasis šaltinis yra Petro Dusburgiečio kronika, tiksliau ta jos dalis, kur kalbama apie 1294-1300 m. kryžiuočių ordino Ragainės komturą Liudviko iš Libencelės atliktus žygius⁴. Tuo laiku šis komtūras privertė lietuvius, gyvenusius Nemuno pakrantėse tarp Neries upės ir Lamatos žemės (naudininko linksnyje-"terrum Lamotinam") laikytis taikos.